

М. Я. СЮЗУМОВ

О ХАРАКТЕРЕ И СУЩНОСТИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ОБЩИНЫ ПО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМУ ЗАКОНУ *

Почти восемь десятилетий вопрос о сущности византино-славянской общины не сходит со страниц исторических работ по византиноведению. Русские византилисты XIX в. сделали очень много для ее изучения: они проанализировали и осветили отдельные стороны жизни византино-славянской общины, но в силу слабости своей методологии не смогли раскрыть ее сущность, происхождение, развитие, ее роль в истории феодализации Византии.

Советская историография, используя материал, собранный византистами XIX в., критически перерабатывая в свете марксистско-ленинской методологии положительные результаты, достигнутые дореволюционным византиноведением, поставила вопрос о византино-славянской общине во всей широте. Наиболее значительным исследованием, посвященным византино-славянской общине, является работа Е. Э. Липшиц „Византийское крестьянство и славянская колонизация“¹.

В этой работе Е. Э. Липшиц, анализируя Земледельческий закон, показала, как славянская иммиграция, в ходе которой получили распространение славянские родовые институты, в бурное время разгрома юстиниановской великодержавной Византии преобразовала византийскую деревню и в значительной степени обеспечила большую внутреннюю устойчивость империи. Главный вывод исследовательницы сформулирован следующим образом: „Земледельческий закон, очевидно, имел назначением фиксировать результаты стихийных изменений, происшедших в аграрном строе империи в VI—VII вв. и сказавшихся в глубоком внедрении в него общинных порядков“... И далее: „Закон с полным основанием может рассматриваться, как замечательный памятник новых — более прогрессивных, чем колонат, — общинных отношений, установившихся в аграрном строе ранне-феодальной Византии“².

Вопрос о сущности византино-славянской общины затрагивали также в своих работах Н. В. Пигулевская, М. В. Левченко, Б. Т. Горянов, А. П. Каждан. Несмотря на глубокий интерес советских историков к этому вопросу, некоторые проблемы, на наш взгляд, остались спорными, что требует проведения развернутой дискуссии по этим, не получившим еще окончательного разрешения проблемам.

Спорным является прежде всего вопрос о системе землепользования, господствовавшей в византийской деревне.

* Статья М. Я. Сюзюмова печатается в порядке обсуждения.

¹ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, М.—Л., 1945.

² Е. Э. Липшиц. Указ. соч., стр. 143.

Е. Э. Липшиц, основываясь на употреблении в Земледельческом законе термина *υεώσαι*, а также на содержании статей этого памятника, говорящих о расчистке леса, о сжигании корней перед пахотой, считает господствующей системой лядную. Конечно, распашка целины и залежной земли имела место в византийской деревне. Но можно ли считать освоение новых участков земли доказательством наличия, тем более — господства лядной системы? В нашей византиноведческой литературе уже высказывалось сомнение на этот счет¹.

Действительно, ни в Земледельческом законе, ни в агриграфических памятниках нет данных об оставлении крестьянами своих участков и о переходе на другие, — именно это как раз характерно для лядной системы. Совмещение же зернового хозяйства с развитым виноградарством говорит скорее о том, что пашня была постоянной, причем часть ее ежегодно оставалась под пар (двухполье).

Термин „новъ“ в Синописе XI в. определялся так: *νεατή γῆ ἐστὶν ἢ προτιηθεῖσα ἢ ἐπὶ ἐνιαυτὸν ἀργήσασα ἣν οἱ γράϊτες νέασιν καλοῦσιν*².

На Западе в это время термин *novale* („новъ“) обозначал пашню, в течение года пребывавшую под паром. Исидор Севильский писал: „Новъ—поле, вспаханное впервые или которое отдыхает через год ради восстановления сил. Таким образом, новъ поочередно бывает то с урожаем, то пустует“³. В статье 12 Земледельческого закона глагол *υεώω*, очевидно, нужно переводить не „распашет нови“ а „вспашет землю, находившуюся под паром“⁴.

Лядная система представляет собою весьма низкую ступень развития земледелия. Для доказательства наличия лядной системы можно было бы сослаться на тот факт, что в Земледельческом законе нет и намек на тяжелый плуг, который переворачивал отвалом глыбы земли. Но выгодно ли было его применять в гористой местности на Балканах и в Малой Азии? — Ведь и на Западе в гористых местностях техника была значительно иной, чем на равнинах. В трактате Альберта Великого „О растениях“ имеется специальная глава об обработке поля в гористой местности: „Некоторые более сообразительные люди засеивают перегной не вспаханным, твердым и лишь только после того, как посеян, переворачивают его либо плугом, либо мотыгой, либо каким-либо заступом“⁵.

Чтобы судить о высоте техники сельского хозяйства в византийской деревне, необходимо было бы разобрать этот вопрос с агрономической точки зрения, приняв во внимание особенности местности: только тогда можно решить, был ли вообще в условиях византийского ландшафта выгоден плуг с отвалом, поднимающий и переворачивающий глыбы.

¹ См. М. С ю з ю м о в. Проблемы иконоборчества в Византии. „УЗ Свердловского Государственного педагогического института“, 1948, т. IV, стр. 77, прим. 51; см. также рецензию А. П. К а ж д а н а на I том „Византийского Временника“, „Изв. АН СССР“, серия ист. и фил., 1948, № 1, стр. 116; его же. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 41—42.

² Jus, V, p. 590. Ср. М. С ю з ю м о в. Проблемы иконоборчества в Византии, стр. 77, прим. 51.

³ Перевод О. А. Д о б и а ш - Р о ж д е с т в е н с к о й. См. „Агрикультура в памятниках западного средневековья“. М., 1936, стр. 11.

⁴ „Если земледелец, взявшийся обработать участок исподу *οὐ υεώσαι*, но разбрасает семя на поверхности...“ В данном случае было бы странным предполагать, что крестьянин разбросал семена на неподнятой целине — ведь он никакого урожая не получил бы. Очевидно, *υεώσαι* нужно переводить не „распашет нови“, а просто не „вспашет“ (ограничится только боронованием). В ст. 1 *ἐν υεώτω* несомненно обозначает пахоту; понятие „нови“ включено в перевод Е. Э. Липшиц искусственно.

⁵ Альберт Великий. О растениях, трактат; I, гл. 7. В кн. „Агрикультура в памятниках западного средневековья“.

* * *

Важнейшей проблемой, которая еще требует изучения, остается вопрос о социальном характере общины, зафиксированной Земледельческим законом: являлась ли эта община свободной или же зависимой? Другими словами, входила ли эта община в состав феодального поместья, или же последнее еще не охватывало деревню Земледельческого закона? Были ли *γεωργοί* свободными или феодально-зависимыми людьми? Разумеется, в измененном виде статьи Земледельческого закона применялись и несколько столетий спустя, т. е. по отношению к феодально-зависимой деревне. Но как обстояло дело в VII—X вв.? Анализ статей Земледельческого закона и аргументация Е. Э. Липшиц по этому вопросу отличаются некоторой неуверенностью; чувствуется, что исследовательница словно не решается сделать вывод о том, что Земледельческий закон — это памятник того периода, когда в византийской деревне преобладал свободный крестьянин-общинник, что и Византия пережила эпоху, аналогичную тому периоду в истории Запада, когда „между римским колониом и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин“¹.

До появления работы Е. Э. Липшиц постоянно, хотя и абсолютно без всяких оснований, высказывались утверждения, будто в Земледельческом законе регулируются отношения между помещиками и зависимыми крестьянами. Е. Э. Липшиц четко показала, что *κύριος* в Земледельческом законе — не помещик, а крестьянин, такой же *γεωργός* — непосредственный производитель. Но, как бы отдавая дань теориям прошлого, она считает, что упоминаемый в ст. 9 и 10 „земледелец“ — *χωροδότης* — это помещик, в первую очередь — монастырь, а „мортит“ — зависимый человек, сидящий на монастырской земле.

Против этой аргументации Е. Э. Липшиц можно было бы выдвинуть ряд возражений. Во-первых, неясно, почему *χωροδότης* не может быть таким же *κύριος*, как и во всех прочих статьях закона. Если в рядом расположенных статьях 11, 14, 16 о крестьянине, получающем землю, говорится *ὁ λαβών, λαμβάνων*, то совершенно несомненно, что дающий землю должен называться *χωροδότης*. Во-вторых, наличие формулы „да проклянет бог“ совсем не свидетельствует в пользу того, что в этих статьях памятника речь идет о монастыре: формулами с проклятиями заканчивались различные договоры, и употребление формулировки „священного писания“ говорит лишь о влиянии библейских мотивов на „юридическое мышление“ составителей Земледельческого закона. В-третьих, известие об обязанностях славянских общин содержать проезжающих послов, чиновников, стратигов, которое приводит Е. Э. Липшиц², ничего общего с вопросом о *χωροδότης*, *μортиτής* не имеет. Аналогичное замечание, в-четвертых, вызывает и ссылка автора на прикрепление славянских общин к митрополии. Здесь речь идет не об арендных отношениях: митрополия в данном случае выступает не как землевладелец, а как район церковного управления христианизированными славянскими племенами. Церковные учреждения в Византии содержались приходом независимо от того, в чьих руках была земля, причем средства на их содержание обеспечивались не путем сбора обязательной десятины, как на Западе, а поставкой определенного

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1951, стр. 161.

² Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, М.—Л., 1945, стр. 124.

для данной деревни количества продуктов и взносом определенной суммы денег. Существовал особый взнос „каноникон“, уплата которого впоследствии была строго регламентирована законодательством¹. Е. Э. Липшиц смешивает две разные составные части церковных доходов: 1) феодальную ренту, собираемую собственником земли с феодально-зависимых, крепостных, и 2) сборы на содержание церкви, производимые среди верующих. Феодальная рента взималась с крестьян, верховная собственность на землю которых находилась в руках церкви. Морта — арендная плата — в дальнейшем могла быть и стала одной из форм эксплуатации зависимого крестьянства. Но именно о собственности церкви на землю в Земледельческом законе нет никаких упоминаний.

Мы можем прийти к определенному выводу, что в Земледельческом законе не имеется в виду никаких крупных сеньоров, которым бы принадлежала верховная власть над общиной. Византийская община состояла из свободных, богатых и бедных крестьян-хозяев (*χῆρος*) и свободных же арендаторов крестьянской и общинной земли.

* * *

В работе Е. Э. Липшиц заметна явная тенденция видеть в Земледельческом законе законодательство, способствующее росту крупного землевладения внутри крестьянской общины. По мнению исследовательницы, более зажиточные крестьяне „простирали уже свои щупальцы для захвата владений своих малосостоятельных соседей“². Е. Э. Липшиц имеет здесь в виду статьи 11—15 памятника: „неимущие вынуждены отдавать свои участки для обработки другим лицам на условиях получения половины плодов урожая“. Но мы решительно отказываемся понять, как можно в лице половника *ἡμισιαστής* видеть кулака, захватывающего участки малосостоятельных соседей: получить поле, самому вспахать его, засеять своим зерном, убрать урожай и отдать половину урожая хозяину-бедняку, — это такие кабальные условия, которые может принять на себя или еще более обездоленный работник, или же человек, взявшийся — в порядке общинной благотворительности — поддерживать семью „изнемогшего“ или бежавшего временно (например, на заработки) хозяина.

При истолковании указанных параграфов Земледельческого закона нужно иметь в виду два обстоятельства: 1) участок земли остается за хозяином, т. е. никаких видов на приобретение участка половник не может иметь; 2) в статьях 12, 13, 14, 15 имеется в виду не длительная аренда исполу, а договоренность лишь на один сезон (в противовес условиям аренды мортита, формулировка которой носит более общий характер). И то и другое обстоятельство, следовательно, не служит к выгоде съемщика; напротив, это сделано в интересах обедневшего и оставившего участок хозяина.

По нашему мнению, Земледельческий закон, фиксирующий обычное право сельской общины, являлся документом, препятствующим росту крупного землевладения внутри общины. Подобно тому, как цеховые

¹ Γ. Ρόλλη καὶ Μ. Πότλη. Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων... V, Ἀθήναι, 1852—1859, р. 303: „каноникон для того назначен архиереям, чтобы каждый (архиерей), обходя приходы и поучая, питался им“ (т. е. каноником). Точно определялся „каноникон“ с деревень разного типа, см. Jus, III, р. 322 (1057); *ibid*, III, р. 365 (при Алексее Комнинне).

² Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 123. Подобного же мнения придерживался еще Б. А. Панченко (Крестьянская собственность в Византии. ИРАИК, IX, 1904, стр. 44).

уставы средневековья предусматривали меры противодействия, боролись против возможностей концентрации производства в руках более зажиточных мастеров, — обычаи общины должны были быть направлены к поддержке ее временно обедневших членов. Нам кажется, что именно в этом смысле и нужно понимать статьи 9—15 Земледельческого закона.

В самом деле. Нормальной формой аренды в деревне была морта на условии уплаты арендатором десятого снопа. Но аренда, предусматривавшая отдачу половины урожая хозяину, носит совершенно другой характер, и Земледельческий закон содержит достаточно данных для объяснения такой невыгодной для съемщика формы аренды. Если хозяин имеет лично им обрабатываемый участок земли, но заболел или задолжал и должен бросить и поле и семью, временно уйти в чужие края (хотя бы на заработки), то отдать этот участок на условиях мортты — значит оставить семью необеспеченной и вообще надолго потерять личное хозяйство. В таком случае община, чтобы сохранить хозяйство своего сочлена, разрешала сдать его участок в аренду из половины урожая, — или какому-либо бродячему пришельцу, вынужденному соглашаться на любые условия; или же соседям, которые брались помочь „изнемогшему“ на условиях обработки участка исполу.

Нельзя видеть в *ἄπορος*, *ἀπορήσας* особой, обездоленной прослойки византийской деревни — „деревенской бедноты“, которая всегда является безземельной или имеет ничтожные участки земли. Трудно согласиться с Е. Э. Липшиц в том, что *апор* оставляет свое поле за неизменением средств для его обработки¹. В условиях, когда орудия производства были очень несложными, их отсутствие, на наш взгляд, при наличии земельного участка не могло иметь особого значения. Даже тот, кто был лишен рабочего скота, не бросал свой участок: статья 37 Земледельческого закона говорит о заимствовании рабочего скота у соседей. В крайнем случае крестьянин, обладавший участком земли, мог бы обрабатывать землю мотыгой. *Ἀπορήσας* оставлял свое поле либо потому, что надеялся на более выгодные заработки (особенно, если знал какое-нибудь ремесло), либо бежал от кредиторов, либо, наконец, являлся неплательщиком налога².

Ἄπορος Земледельческого закона — не деревенская нищая беднота. Это все-таки хозяева земли, хозяева виноградника, члены общины, которым последняя гарантирует их собственность и некоторый доход. С достаточной определенностью об этом свидетельствует статья 13: „Если земледелец возьмет у какого-либо обедневшего (славянский перевод: „изнемогшего“) земледельца виноградник для обработки исполу и не обрежет его, как полагается, не обкопает его, не огородит, то пусть ничего не получает из урожая“. Совершенно ясно, что здесь говорится не о человеке, который сдал свой участок в аренду из-за отсутствия необходимых средств для обработки земли: „обрезать“, „окопать“, „обнести частоколом“ может и лицо, не имеющее рабочего скота. Речь идет в данном случае о человеке, который не может лично рабо-

¹ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 123. Термин *ἄπορος τῆς χώρας* в 7 и 12 новеллах кодекса Юстиниана обозначает землю необработанную, брошенную, что соответствует понятию *ἀπορήσας* — бросивший обрабатывать землю.

² В житии Филарета Милостивого крестьянин, у которого пал вол, „помня неистовство заимодавцев и тяжесть процентов“, взывает: „Как прокормлю жену, девять детей, как внесу царские налоги, как возвращу долги? . . . Лучше уйду из этой страны, пока не узнают кредиторы и не растерзают, как дикие звери“. Житие Филарета Милостивого. ИРАИК, V, 1930, стр. 66.

тать, не может даже лично следить за состоянием виноградника¹. Земледельческий закон стоит на страже интересов собственника — члена общины и не дает хищнически использовать и запустать виноградник.

Такую же защиту интересов общинника можно констатировать и в некоторых других статьях этого памятника.

Статья 12 гарантирует хозяину, сдавшему участок для обработки исполу, определенный доход: если взявший участок не обрабатывает его, как следует, разбрасает зерно на поверхности, то, конечно, он наказывает этим не только сам себя, но и хозяина: урожай будет незначителен. Земледельческий закон считает эту небрежную обработку „коварным надругательством над хозяином земли“ — и совсем лишает арендатора доли урожая.

Согласно статье 14, крестьянин, по необходимости временно оставивший участок и предварительно договорившийся с другим крестьянином об обработке поля исполу, может быть спокоен за свой доход: если взявшийся обрабатывать его участок исполу передумает и не приступит к работе, община заставит его отдать хозяину участка двойное количество урожая (по сравнению с обычно получаемым с данного участка).

Статьи 18, 19, 21 гарантируют обедневшему крестьянину, вынужденному бежать (из-за невозможности платить налоги), его участок; по возвращении хозяина земля должна быть ему передана обратно, даже в том случае, если на участке произведены солидные работы (построен дом и т. д.). Единственно, что может сделать пользовавшийся чужим участком, чтобы избежать его возврата прежнему владельцу, — предоставить ему другой, равноценный участок.

В данном случае мы можем видеть не отсутствие ярко выраженного принципа частной собственности, как полагает Е. Э. Липшиц², но конкретную форму того, как община заботилась о сохранении хозяйства за сочленом, бросившим свой участок земли, чтобы эта земля не пустовала во время отсутствия хозяина. Элементы взаимопомощи, стремление затруднить одному члену общины наживаться за счет другого — это характерные черты ремесленной корпорации, но эта же особенность проявляется и в византино-славянской крестьянской общине.

Можно продолжить далее анализ статей Земледельческого закона, в которых выражается указанная тенденция.

Статья 37 гласит, что если у хозяина участка будет ощущаться недостаток в рабочем скоте, и он выпросит вола у соседа, и если вол подохнет на той работе, на которую его выпросили, то выпросивший не подвергается взысканию. „Благотворительный“ смысл этой статьи несомненен: она защищает обедневшего общинника, вынужденного выпрашивать вола у соседа, от последствий какого-либо несчастного случая. Еще более ярко выражена направленность Земледельческого закона на оказание помощи обедневшему члену общины в статье 67: „Если окажется, что взявшие земельный участок за проценты по истечении

¹ Подобный мотив приводит Н. П. Грацианский при объяснении титула *De migrantibus* Салической правды: „Надо полагать, что эти мотивы — чисто хозяйственные: может быть, обитатель деревни по состоянию здоровья или по преклонному возрасту сам не в состоянии был обработать свою землю и прокормить свою семью, и потому входил в какое-то соглашение с пришлым человеком, отдавая ему часть своего владения на каких-то выгодных для себя условиях“. Н. П. Грацианский. К голкованию термина *villa* в Салической правде. Сб. „Средние века“, вып., II, 1946, стр. 80.

² Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 122.

семи лет пользуются доходом с него, то пусть судья разочтет сумму дохода за семь лет и выше и пусть половину дохода зачтет в погашение долга". По смыслу этой статьи, какова бы ни была сумма долга, он рано или поздно путем зачисления половины дохода, будет погашен, участок земли вернется хозяину без затраты с его стороны каких бы то ни было усилий, так что для него не будет необходимости идти в кабальную зависимость по причине своей задолженности. По своей сущности эта статья 67 ничем не отличается от статей 13 и 14: в условиях византийской общины земледелец, взявший за проценты участок земли, является не более, чем половником, так как при длительном пользовании землей половина урожая идет в погашение долга, т. е. хозяину участка, и только другая половина урожая идет и на погашение процентов по долгу и на покрытие расходов по обработке участка.

Характерна также статья 49: „если кто найдет свинью на потраве, или овцу, или собаку и на первый раз передает животное хозяину, затем во второй раз, передав, сделает увещевание хозяину, а за третий раз отрежет ухо или ранит стрелой, то он не будет в ответе“. За изувечение на потраве вола надлежит отдать другого (статья 48 соответствует статье IX, 1 Салической правды). Ряд подобных статей (38, 53, 86) свидетельствует о том, что община не желала, чтобы случайная потрава была бы причиной гибели скота и тем самым — обеднения члена общины. Всякий ущерб, причиненный ему, если это не преднамеренное преступление (ст. 64, 65, 68), возмещается потерпевшему, но так, что при этом на виновного не налагаются непосильные штрафы вроде тех, которые встречаются в Салической правде и которые явно направлены на разорение общинника¹. В Земледельческом законе постоянно заметно стремление сохранить в неприкосновенности хозяйство каждого члена общины, а при несчастном случае, если он произошел с кем-либо, не губить пострадавшего. Интересно в этой связи, что статьи 56 и 69 снимают ответственность за случайно произведенный поджог чужого имущества, если выясняется, что огонь перекинулся на чужие владения не по небрежности, а в результате случайной перемены направления ветра.

Почему обедневшему крестьянину, впавшему в задолженность, предоставляются такие исключительные льготы? — Только потому, что он — собственник участка земли и член общины. Земледельческий закон, в качестве своего рода кодекса норм „поведения“ членов общины, повсюду требует добрососедских отношений, не допуская обогащения одних общинников за счет других.

В ряде статей Земледельческого закона четко выявляется стремление обеспечить за членом общины продукт его труда (конечно, речь идет лишь о полноправном члене общины, а не о мистии или рабе). Так, в статье 32 говорится о праве на выращенное дерево; в указанной выше статье 21 устанавливается сохранение права на постройки и пр., произведенные на чужом временно заброшенном участке (при условии замены участка другим). Земледельческий закон стремится сохранить за членами общины их участки земли, но в то же время не

¹ См. Н. Грацианский. О материальных взысканиях в Варварских правдах. ИМ, 1940, № 7. Ничего подобного в Земледельческом законе нет. С одной стороны, это можно объяснить тем обстоятельством, что эксплуатация крестьянства происходила в Византии не посредством сбора судебных штрафов, а в форме прямого налогового обложения; с другой стороны, нельзя не видеть у византиино-славянской общины большей силы и сплоченности по сравнению с франкской.

допускает игнорирования трудовых затрат, если они произведены на чужой земле при особых условиях¹.

Все это доказывает наличие внутренней сплоченности византино-славянской общины. Именно соседская солидарность ее сочленов обеспечивала общине силу сопротивляемости росту крупного землевладения. Безусловно, эта внутренняя сплоченность не есть результат организованной правительством круговой поруки. Если некоторые статьи (13) и могут быть объяснены подобным образом, то рассмотренная выше статья 67 никакого отношения к круговой поруке не имеет.

Ничего подобного мы не находим в Салической правде и в других „варварских“ правдах². Стремление не допустить полного разорения сочлена общины, „уважение“ к затраченному труду, которое наблюдается в обществе Земледельческого закона — все это, надо думать, и есть результат воздействия обычного права славянской общины, которая своей внутренней сплоченностью превосходила германскую марку.

Земледельческий закон рисует картину совсем других социальных отношений, по сравнению с теми, которые господствовали в византийской деревне IV—VI вв., т. е. до начала славянской иммиграции. Чтобы ярче оттенить своеобразие норм Земледельческого закона, защищавших интересы общинника, стоит напомнить слова Григория Богослова, характеризующие совсем иной порядок вещей: „Ты богач, употребляешь все меры, чтобы никто не был тебе соседом! Хочется тебе завладеть полем, которое принадлежит ближнему... Ты займодавец, а потом и истязатель; грозят бедняку пытки, оковы, — и отдает все бедняк... Ты говоришь: вол твой сделал моим волам обиду, громче мычал, вызывал на драку... Тень от твоих деревьев причиняет мне ущерб. Раб твой ходил по моему полю... Представлены будут на это свидетели, и пропали у тебя и вол, и сад, и раб!“³. Григорий Богослов произносил свою проповедь „против богатолюбцев“ не в деревенской общине, а в городе, обращаясь к богатым собственникам пригородных имений — проастиев, где не было никаких признаков общинной сплоченности и где господствовал только один принцип полной собственности господина на раба, движимое имущество и землю.

* *
* *

Вернемся, однако, к выдвинутому Е. Э. Липшиц положению о том, что в византийской деревне существовали условия, способствовавшие укреплению более зажиточной прослойки крестьянства. Разумеется, такие условия были налицо, но мы их не сможем выявить на основании данных Земледельческого закона: эти условия связаны были с тем, что византийская община развивалась в недрах централизованного государства, с законодательством, покоящимся на принципе частной собственности, в условиях, когда имелось относительно развитое товарное обращение, в условиях разорительного для крестьян тяжкого налогового обложения.

¹ Из этого, между прочим, видно, что старинное положение римского права *superficiis solo cedit* во времена Земледельческого закона не соблюдалось. Относительно более позднего периода см. F. Dölger. *Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges*. München, 1948, № 112.5; 188.

² Только в титуле IX, add. 2 Салической правды выдвигается принцип: *cuius labor est*. В Баварской правде этот принцип проступает более явно (XVII, 2).

³ Творения Григория Богослова, архиепископа Константинопольского, т. II, изд. Союзкины, стр. 235.

В самом деле: каковы были возможности мобилизации земельных участков внутри общины?

В Византии IV—VI вв. купля—продажа земельных участков среди свободного крестьянства в митрокомах была вполне обычным явлением. Начало общинности проявлялось не в запрете продавать участок, а в запрете продавать участок земли лицу, не принадлежащему к общине¹. Известный закон 468 г. *Non licere habitatoribus metropolitanae loca sua ad extraneum transferre*² нельзя рассматривать как закон, данный сверху, — надо думать скорее, что он представлял собою просто легализацию соответствующей нормы обычного права. Византийская сельская община (митрокомах), с одной стороны, сама не могла в обстановке развитого в империи товарного обращения обходиться без купли—продажи земли; с другой стороны, необходимость сохранения общинной территории в руках членов общины вызывала стремление противодействовать переходу крестьянских участков к землевладельческой знати. Предпочтительная продажа земли своим близким являлась одним из выражений общинной сплоченности. Вместе с тем, этот самый принцип, казалось бы способствующий закреплению земельных участков за членами общины, приводил к концентрации земли в руках более зажиточной прослойки деревни, помогая ее определенным кругам умножать свои богатства за счет более слабых элементов общины. Так было в Византии IV—VI вв. Но как обстояло дело в деревне, о которой идет речь в Земледельческом законе?

В самом Земледельческом законе нет ни слова о купле—продаже земельных участков. Однако было бы поспешным делать из этого вывод об отсутствии у членов византийской общины права продавать свои участки. Во-первых, это противоречило бы общегосударственному законодательству, — а ведь местные обычаи не могли нарушать его основных принципов. Во-вторых, факты продажи земли крестьянами — членами общины говорят о том, что в обычном праве не было никаких запретов в этом отношении. Вопрос состоял лишь в том, можно ли продавать *extraneo*: относительно этого существовала неясность, как удостоверил в X в. Роман Лекапин в своей новелле от 932 г.

Если в Земледельческом законе ничего не говорится о возможностях продажи земли, это объясняется той же причиной, по которой в этом памятнике не затрагиваются, например, вопросы наследования, завещаний, обходятся казусы, связанные с такими преступлениями, как убийство, изнасилование, „свяотатство“, „мятеж“, а именно: все дела этого рода не входили в компетенцию деревенских акроатов. Как завещания, так и акты купли—продажи земельных участков должны были нотариально оформляться, и потому они выходили за рамки тех отношений, в которых действовали положения Земледельческого закона. Следовательно, вопрос о возможностях мобилизации земли мы должны изучать не по текстам Земледельческого закона, а по другим документам. В данном случае этой цели должно служить законодательство о предпочтительной покупке.

Возникает вопрос: можно ли предполагать существование общинного землевладения в условиях, когда имеется налицо право свободной

¹ При Константине общине предоставлено было право отстранять чужаков от покупки земель в деревнях: *proximis consortibusque concessum erat, ut extraneos ab emptione removerant* (Cod. Theod., III, I, 6); однако трудно решить, кто подразумевался под словом *proximi*—родственники или соседи. Ibid., III, 1, 6.

² Cod. Just., XI, LV (LVI).

продажи тех участков земли, которые находятся во владении крестьянина — члена общины?

Основным пороком концепции Б. А. Панченко¹ было то, что он считал несовместимым соединение начал частной и общинной собственности на землю. Между тем изучение общинного строя как в Византии, так и на Западе показывает, что такое совмещение вполне возможно². Такое совмещение является показателем начинающегося разложения общинного устройства, но община при этом могла еще долго сохранять большое значение, во-первых, вследствие того, что не вся принадлежавшая ей территория была разделена между членами общины, — оставалась неподеленная территория; во-вторых, — в результате действия обычного права, по которому продажа земли первоначально должна была ограничиваться рамками общины, а затем — „правом предпочтения“ членам общины при продаже земли общинником.

Закон, запрещающий в митрокомиях продавать землю чужакам, был почти дословно перенесен в Василики³. Но этот старый закон теперь не отражал сложности обстановки X в. Понадобилось более значительное приближение государственного законодательства к обычному праву⁴. Поскольку законы не создают искусственно общественных отношений, а отражают сложившийся порядок вещей, — естественным результатом изменения положения в деревне в связи со славянской иммиграцией и укреплением начала общинности, должно было явиться соответствующее изменение правовых норм: обычное право общины не могло не повлиять на официальное законодательство.

Прямым следствием расселения славян в империи и воздействия славянского обычного права явились новеллы о протимесисе. Положение о протимесисе в деревне ярко выражены в новелле императора Романа Лекапина от 922 г. Было бы неисторичным рассматривать её как своего рода законодательную „выдумку“ императора. В данном случае перед нами — обычное право крестьянской общины, которое и зафиксировано в императорском законодательстве. Нельзя забывать, что X век был временем новой кодификации права, временем приспособления юстиниановского законодательства к новым историческим условиям, сложившимся к этому времени в результате славянской иммиграции; последняя в незначительной степени изменила обстановку в городе, но оказала очень большое влияние на социально-экономический строй деревни.

Византийская митрокомия в IV—VI вв. была свободна от пережитков родового быта: она состояла из независимых хозяев земельных участков, из людей, объединенных самоуправлением деревни. Но в период славянской иммиграции византийская деревня начинает испытывать воздействие порядков славянской общины, в которой пережитки родовых отношений были еще более или менее живыми. Обычное, неписанное право деревни изменилось; в ней появились новые обычаи. Естественно, что юстинианово право не могло не расходиться с существовавшим в византийской общине обычным правом, которое теперь несло на себе

¹ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии, стр. 62.

² См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1953, стр. 172—173.

³ Basil., XIX, 5 и LV, 5.1.

⁴ А. П. Каждан в статье „Крестьянское движение в Византии X в. и аграрная политика императоров Македонской династии“ (ВВ, т. V, стр. 95—96) считает легализацию обычного права уступкой крестьянству, сделанной в результате крестьянских восстаний. Но до 922 г. в X в. не было сколько-нибудь опасных для правительства выступлений крестьянства.

известный отпечаток родовых отношений (конечно, неизмеримо более слабый, чем, например, Салическая правда).

Именно это противоречие (между обычным правом и императорским законодательством) и имел в виду Роман I. Его новелла прямо начинается с упоминания о том, что древний закон (юстинианово право) не считался с интересами родственников и соучастников¹. Очевидно, это обстоятельство создавало определенные трудности в деревне, где долго бытовали нормы обычного права. Роман I отмечает также другой закон, от 468 г., который вообще запрещал продажу земель чужакам. Но и в этом законе интересы родственников не были предусмотрены (потому что в деревне V в. кровно-родственные узы не имели уже особого значения).

Новелла Романа Лекапина представляла собой попытку примирить противоречия между обычным деревенским правом и императорским законодательством. В деревне родственные связи имели еще известное значение. В стратегиках того времени рекомендовалось составлять лагерные товарищества *κατὰ συγγένειαν*². Поэтому новелла Романа от 922 г. не являлась простым воспроизведением запрета, содержавшегося в законе 468 г.: протимесис приобрел особый характер, соответствующий обычному праву и родственным связям, существовавшим в деревне.

В первую очередь право на покупку земли получили *οἱ ἀναμίξ συγγεμένοι συγγενεῖς*, т. е. родичи, не потерявшие некоторой хозяйственной общности: не родственники вообще (по наследственному праву), а именно хозяйственно связанные между собой родичи. Второе место в законе о предпочтении занимают *οἱ συμπεπλεγμένοι κοινωνοί*, т. е. лица хотя и не являющиеся родственниками, но имеющие между собой некоторую хозяйственную общность, связанные совместным владением (соучастники в разработке земли, совладельцы поля или участка). На третье место поставлены вообще соседи. На четвертое — *οἱ ὁμοτελεῖς* (позднее: вписанные в писцовую книгу под именем одного и того же господина; первоначально этим термином обозначались лица, вписанные в одну и ту же писцовую книгу по уплате налогов, т. е. такие, которые были приписаны к одной общине, даже если они имели владения и вносили взносы и в других местах). На пятом месте значатся вообще живущие в данной митрокомии *οἱ ἀπλῶς πλησιάζοντες*.

В принципе предпочтение в праве на покупку дается людям, близким так или иначе в хозяйственном отношении к продавцу земли, и это вполне соответствует общинным порядкам деревни³. В самом деле: допустим, что кто-либо имеет свое дерево на чужом участке (случай, предусмотренный статьей 32 Земледельческого закона), — такое лицо, как обладающее некоторой хозяйственной близостью к продавцу этого участка, должно, естественно, иметь предпочтение перед другими покупателями (предпочтение второго разряда).

Этот закон о предпочтении, с одной стороны, должен был в нормальных условиях сохранять землю в руках членов общины, но в то же время он создавал условия, необходимые для концентрации земельных участков в руках зажиточных крестьян митрокомии. Ведь для того,

¹ . . . μηδεὶς παρὰ συγγενῶν ἢ κοινωνῶν ἐμποδίζεται πωλεῖν. (Jus, III, p. 238).

² Стратегикон Никифора, изд. Ю. Кулаковского, гл. I, 1. (ЗАН, VIII серия, по ист.-фил. отд., т. VIII, № 9).

³ В значительно более узком плане мы видим право предпочтения в германских правдах — особенно Leg. Saxon., MGH Leg., V, cap. 62: Liber homo, si hereditatem suam necessitate coactus vendere voluerit, offerat eam primo proximo suo; si ille eam emere noluerit, offerat tutori suo, vel ei, qui tunc a rege super ipsas constitutus est; si nec ille voluerit, vendet eam cuicumque libuerit.

чтобы купить участок, родственник должен был оплатить его полную стоимость в течение 30 дней (после объявления, сделанного в присутствии свидетелей, о намерении произвести такую покупку). Ясно, что оплатить стоимость участка в такой короткий срок могли только лица, располагавшие значительной суммой денег. Безусловно, в числе разного разряда предпочитаемых, реальную возможность купить землю имели лишь те, которые были в состоянии внести продавцу нужную сумму в течение одного — четырех месяцев. Фактически это делало законы о предпочтении формой легального перехода участков в руки зажиточной верхушки деревни, которая имела в дальнейшем некоторую возможность перейти в разряд *ἀξιωματικοί* и *δουλοί*, т. е. в ряды господствующего класса.

Византийская община имела свою специфику, отражающую особенности социально-экономического строя Византии, в которой город на протяжении всей ее истории имел большое экономическое и культурное значение. Товарное хозяйство, а вместе с ним и юстинианово право, основанное на частной собственности, сохранялись в византийском городе и оказывали влияние на сельское окружение.

В законах о *πρότιμιας* мы видим, таким образом, характерное обычное право земледельческой общины, развивающейся в обществе, в котором давно укоренилась частная собственность на землю. При этом противомесис, как отражение обычного права в законодательстве, с одной стороны, охранял целостность общины, не допуская в нее постороннего, но, с другой стороны, создавал предпосылки для складывания внутри общины крупного землевладения, что и приводило к ее внутреннему разложению и к формированию феодальной собственности. Кодификация обычного права в новелле 922 г. вызывалась особыми причинами: выгоды фиска, потребности военного характера (что и отмечалось автором новеллы). Но в то же время это сохранение обычного права было выгодно городской чиновно-ростовщической знати, использовавшей налоговый и судебный аппарат в своих интересах.

* * *

Перейдем к вопросу о периодических переделах земли в византийской общине. Е. Э. Липшиц при рассмотрении его проявляет крайнюю осторожность и нерешительность: в ее изложении этот вопрос по существу предстает как спорный. На самом деле его следует решать со всей категоричностью: периодических переделов земли в общине во время составления Земледельческого закона не было.

Статья 8 этого памятника говорит о *μερισμός*. Под этим термином несомненно имеются в виду несколько способов „раздела“ земли. Во-первых, *μερισμός* — первоначальный раздел: он производится тогда, когда крестьянская община утверждается на заброшенной латифундии. Но, конечно, не вся земля сразу делится между общинниками, некоторая часть ее остается неразделенной¹. Поэтому необходим добавочный раздел. Это — второе значение термина *μερισμός* (ст. 32, 82). Возможно также и третье: *μερισμός* — раздел внутри разросшейся семьи. Но особенно важно учитывать четвертое возможное значение этого слова: *μερισμός* в смысле принудительного распределения участка, брошенного обедневшим крестьянином, распределения, произведенного в порядке

¹ Иногда община, как таковая, продавала неподеленные участки земли. Новелла 947 г. запрещала динатам покупать такую землю у общин *ἀπὸ τῆς τῶν χωρίων ὁμάδος ἢ τοῦ κλῆ' ἐκχέτου*. (Jus, III, p. 253).

ἐπιβολή, в порядке привлечения крестьян к взаимной ответственности за налоги, падающие на брошенные участки земли¹.

Такой раздел был, разумеется, едва ли желателен крестьянам. Прав на землю (во всяком случае, до истечения срока в 30 лет) он не давал, полностью использовать участок в хозяйственных целях тоже было невозможно (ст. 21 Земледельческого закона). Этот раздел осуществлялся применительно к возможностям крестьян, сообразно их собственным участкам земли; производился он часто, поскольку бегство из деревень, призывы в поход, всякого рода несчастья, выведившие крестьянскую семью из состава плательщиков, были постоянным явлением. Именно в этом смысле, думается, нужно понимать не только ст. 8, но и знаменитое „Второе определение“ магистра Косьмы. В свое время Ф. И. Успенский переводил его так, что в этом „определении“ будто бы имелись в виду периодические переделы земли каждые 30 лет. Но этот перевод имел серьезные недостатки: он 1) допускал некоторые отступления от текста, в который вносились исправления, и к тому же предполагалась испорченность текста; 2) прямо противоречил букве Земледельческого закона (ст. 3) и 3) совершенно не соответствовал данным памятников X в., которые свидетельствуют о массовой продаже крестьянами своих участков.

Чтобы объяснить это „решение Косьмы“, я попытаюсь дать свое толкование текста памятника. Вопрос, предъявленный Косьме, до нас не дошел. О его содержании можно лишь предполагать на основании ответа, данного магистром. Полагаем, что вопрос состоял в следующем: „Если было произведено распределение участков в порядке ἐπιβολή, но некоторые из получивших данные прирезки возбуждают ходатайство о пересмотре этого раздела, можно ли произвести новый раздел?“ Ответ гласил: „Если весь участок (т. е. распределенный по долям в порядке коллективной ответственности за поступление налогов с заброшенной земли) представляет собой единый объект обложения ὑποσχή, и поэтому за данный участок следует определенная единая подать, и если распределенные доли составляют совместное владение (компактную единицу), и если со времени распределения по долям прошло менее 30 лет, то надлежит, чтобы весь объект обложения был снова объединен, чтобы были сняты все межевые знаки, и пусть тогда будет произведен передел между каждым из них (т. е. получивших доли в порядке совместной ответственности за налоги) соразмерно наследственным участкам (κλήρους), причем пахотная земля данного участка (γῆς τοῦ ἀγροῦ) должна быть разделена не только по ее качеству, но и сообразно количеству приходящейся на этот участок суммы налога (ποσότης). Ποσότης в данном источнике, по нашему мнению, можно перевести как „сумму налога“ — посотис. Таким образом, из нашего толкования „Второго определения“ магистра Косьмы вытекает, что заброшенный участок распределяется между некоторыми членами общины, причем распределение производится (и это вполне понятно) соответственно хозяйственной мощи крестьянина (ἀπὸ κλήρων ἰσότητι γῆς): чем больше земли у крестьянина, тем крепче его хозяйство и тем большую долю заброшенной земли он получает при наличии коллективной ответственности членов общины за уплату налогов (разумеется, во внимание принимается и та часть налога, которая падает на его долю). При таком толковании „решения“ Косьмы многие спорные мо-

¹ См. Податной устав, перев. Е. Э. Липшиц. Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951, стр. 150—152 (ст. 12—15).

менты отпадают сами собой, и, главное, — исчезают противоречия между постановлением Косьмы, ст. 3 и 5 Земледельческого закона и новеллами X в. К тому же в этом толковании постановление Косьмы является лишь дополнением к ст. 18 Земледельческого закона.

* * *

Кроме полноправных членов общины, в ней были и пришельцы, которые явились уже тогда, когда земля находилась в наследственном владении старых членов общины. Мы имеем в виду „чужаков“, пришлых *παροίκους*. В Земледельческом законе ничего не говорится о париках, но их предшественниками можно считать мистиев: мистии первоначально не были связаны с землей, они выступали как наемные работники.

Согласно Земледельческому закону, мистий нанимался к хозяину, по какой-либо причине не имеющему возможности лично обработать свой участок. Но поскольку он нанимался выполнить работу в законченном виде (по римскому праву *locatio operis*, *ἀποτέλεσμα*. Dig., 16, 5, 1), т. е. засеять, собрать урожай, постольку такой наемный работник фактически превращался в сьемщика на определенных условиях.

„Если кто возьмет землю от земледельца, не имеющего возможности провести посев, — и договорится только вспахать и бороновать (раздробить), то разрешается заключить условия по договоренности; если же включается и посев, то и в данном случае предоставляется право заключить условия по договоренности“ (ст. 11). Земледельческий закон в данном случае не устанавливает условий найма: пришлось бы предусмотреть слишком много вариантов — используется ли хозяйский инвентарь и рабочий скот, или же все это принадлежит „работнику-сьемщику“ и т. д.

Статья 16 дополняет только что приведенную статью Земледельческого закона: „если земледелец, взявший на себя обработку виноградника или поля, договорится с хозяином (т. е. в смысле ст. 11) и, взяв задаток, приступит к работе, но, прервав, оставит ее, то пусть он даст надлежащую цену поля, а поле пусть имеет хозяин его“. Здесь также имеется в виду „мистот“, наемный работник.

Иногда мистий может вместо того, чтобы работать в качестве наемника, занять на свой риск брошенный участок (ст. 21). Его счастье, если оставивший участок не явится в течение срока давности (30 лет): тогда участок перейдет в руки мистия, он делается полноправным *κύριος*. Но, если хозяин вернется, мистию придется снова обратиться в наемного работника.

Вопрос о социальной сущности прослойки мистиев является весьма спорным. Е. Э. Липшиц считает возможным предполагать в мистии „свободного в феодальном смысле, но фактически зависимого человека“¹. Б. Т. Горянов, идя еще дальше, говорит даже о мистиях, принадлежащих монастырю².

С этой трактовкой категории мистиев³ невозможно согласиться. Мы считаем мистия юридически и фактически свободным человеком,

¹ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация стр. 129.

² Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах. ВВ, т. III, 1950, стр. 37. — Приводимая ссылка *ἐν τοῖς τοιοῦτοις κτήμασι προσκαθήμενων μισθίων μονιχῶν*) совершенно ничего не говорит о принадлежности мистиев монастырю.

³ См. наши комментарии к „Книге Эпарха“. „УЗ Свердловского Гос. пединститута“, вып. VI. Свердловск, 1949, стр. 72—73, а также статью А. П. Каждана „Рабы и мистии в Византии IX—XI вв.“ „УЗ Тульского Гос. пединститута“, вып. 2, 1951, стр. 79.

поскольку вообще бедняк, вынужденный поступать на работу за плату, может быть свободным. Наемный работник в средние века, конечно, коренным образом отличался от рабочего капиталистической эпохи, но тем не менее в их экономическом положении имеется нечто общее: средневековый работник также был неимущим и существовал на заработную плату.

Что в деревне имелся определенный разряд земледельцев, живущих на заработную плату, это совершенно несомненно. Земледельческий закон устанавливает заработную плату поденщика — 12 фоллов (25 коп. зол.) в сутки (ст. 22, 62). Существовала также плата за рабочий день работника, нанявшегося работать со своим волом или другим животным (ст. 36).

Мистий — крестьянин-переселенец, не имеющий определенного участка, или, во всяком случае, такого, который был бы достаточным, чтобы прокормить семью. В Земледельческом законе упоминается о наемном пастухе и наемном стороже. В данном случае мы имеем дело с *locatio oreagum* римского права (Dig., 19, 2, 37).

Не исключена возможность, что мистий превращался в мортита. Если мистий обрабатывает целину, три года он пользуется землей бесплатно, — на четвертый год хозяин участка вправе взять этот участок обратно. Если хозяин не располагает достаточными средствами для того, чтобы обрабатывать этот добавочный участок, он может отдать его в аренду на обычных условиях (т. е. из одной десятой доли).

Безземельный и малоземельный крестьянин, нуждающийся в дополнительном заработке, — необходимый элемент в средневековой деревне. Мистий в деревне является предтечей не современного сельскохозяйственного рабочего, но, скорее, средневекового коттера.

Были ли мистий несвободным? — Как „Книга Эпарха“, так и агнографическая литература рисуют мистия свободным человеком¹.

Е. Э. Липшиц утверждает, что мистий нередко продавался и покупался². Это утверждение покоится только на статье VIII, 7 „Книги Эпарха“ — о запрещении (под страхом отсечения руки) продажи мистия иностранцам. Но необходимо отметить, что наказание — отсечение руки — есть кара за продажу в рабство свободного человека. Никакой полной или неполной собственности на мистия наниматель не имел. Он мог использовать мистия „вместо раба“, как сказано в схолиях к Василикам³, только на срок соглашения с ним. Разумеется, неимущий мистий мог легко попасть в число зависимых людей. Но в таком случае он уже переставал быть мистием, а переходил в другую социальную прослойку. Действительно, в XI—XII вв. мистии уже переходят в разряд малоземельных и безземельных, постоянно живущих в поместье крестьян. Однако говорить о том, что мистий еще в VII—VIII вв. находился на положении закабаленного, нет оснований. Все это, конечно, не уничтожает того факта, что мистий являлся наиболее обездоленным человеком в византийской деревне.

Может возникнуть вопрос: почему мистий должен был брать работу в деревне у других хозяев в то время, как в распоряжении общины имелась необработанная новь, лесные участки? Почему община, если существовали переделы хотя бы неразделенной земли, не передавала

¹ Книга Эпарха, гл. VI, 2—3; XXII.

² Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 127.

³ *οἱ ἐν ταῖς δούλων ὑπηρετοῦντες αὐτῶ ἐλευθεροί* (Basil., XVI, VIII, 4); *τοὺς μισθίους — οὓς ἐν τόπῳ δούλων ἐχομεν...* (Basil., LX, XVII, 7, σγ. 28).

этих участков мистию? — Ответ на эти вопросы состоит в том, что мистий не являлся полноправным членом общины и, следовательно, не имел прав на общинную землю. В интересах „хозяев“ было иметь в деревне известное число обездоленных мистиев, из среды которых можно было нанимать пастуха (ст. 34), сторожа для огорода (ст. 33), работника на те или иные работы по договоренности с хозяином (ст. 16) — причем нанимать на условиях обработки исполу. Как явствует из статьи 16 Земледельческого закона, малоземельный крестьянин, берущийся обработать поле или виноградник, получает задаток. Это положение о задатке — ἀρραβών — вполне соответствует аналогичному положению статьи XXII, 1—2 „Книги Эпарха“, где говорится о задатке строительному рабочему. В „Книге Эпарха“ предусматривается случай, когда наемный рабочий, получив задаток, бросает работу. Из статей Земледельческого закона можно вывести заключение, что сельскохозяйственный мистий был несколько обеспеченнее городского строительного рабочего. Городского строителя за его проступки не штрафуют, не взыскивают с него ущерба (очевидно, безнадежно взыскивать с человека, ничего не имеющего), — его просто лишают платы и бьют. В деревне же работник, не выполнивший работ в поле и сорвавший тем посев или уборку урожая, принуждается возместить убыток („пусть даст стоимость поля“, т. е. примерную доходность участка). У деревенского мистия, можно думать, иногда имелась хижина, небольшой участок, может быть, даже домашний скот и свой инвентарь (в пределах этого имущества мистий ответственен); его не бьют, как городского рабочего, за нарушение условий найма, а штрафуют. Но иногда мистии — пришлые люди, для которых в имениях строились специальные помещения¹.

Получение ἀρραβών — задатка — соответствует получению городским подмастерьем зарплаты авансом за месяц вперед². Причина истребования задатка в том и другом случае совершенно тождественна: у мистия нет средств для пропитания, без задатка он не в состоянии работать. („Не имеющие заработка работники остаются без пропитания“)³. Деревенский мистий, очевидно, не имея достаточного надела, к весне начинал голодать и без ἀρραβών вряд ли мог быть трудоспособным.

* * *

Были ли крестьяне времени Земледельческого закона крепостными?

А. П. Каждан считает крестьян-общинников лично свободными, но прикрепленными к земле⁴, между тем, совершенно неясно, на каких фактах основывается это положение. А. П. Каждан называет крестьян-общинников „государственными крестьянами“. Этот термин, применяемый обычно для обозначения известной категории крестьян в крепостнической России, будучи перенесен в литературу по византиноведению, может создать много неясностей в самом понимании слова „лично свободный“. Вряд ли имеет смысл называть крестьян „государственными“ лишь на том основании, что они платили налоги и выполняли общегосударственные повинности. Что же касается вопроса о прикреплении к земле по существу, то необходимо заметить, что согласно Земледельческому закону крестьяне были совершенно свободны уходить из деревни, — насильно

¹ Б. Т. Горьянов. Византийское крестьянство при Палеологах, стр. 36—37.

² Книга Эпарха, VI, 2.

³ ἀργοὶ ὄντες οἱ τεχνῖται ἐν ἀπορίᾳ τροφῆς γένοιται.

⁴ А. П. Каждан. Крестьянские движения в Византии X в. и аграрная политика императоров Македонской династии, стр. 85.

их не возвращали. По статье 19, оставивший свой участок может даже платить налоги за брошенную землю (если правильна редакция этой статьи, которая оспаривалась Б. А. Панченко). В податном уставе указывается, что власти были серьезно обеспокоены возможностью бегства из деревни крестьян в случае непосильности обложения в порядке коллективной ответственности (в выплате налогов), но нигде не говорится о необходимости возвращать насильно бежавших крестьян. Речь идет не о бегстве, а о временном оставлении своего участка (ст. 5, 12, 14).

Никакого прикрепления к земле лично свободных крестьян в X в. невозможно подтвердить документальными данными. „Государственными крестьянами“ можно считать только *δημοσιάρχοι πάροικοι* более позднего времени (ВВ. III, 1950, стр. 25).

* * *

Обратимся теперь к вопросу, многократно трактовавшемуся в работах наших византинистов, об отождествлении византийской общины с „азиатской“. Такое отождествление введено Е. Э. Липшиц. Приведя высказывание К. Маркса о самодовлеющих азиатских общинах, Е. Э. Липшиц писала: „Думается, что именно в этой специфической особенности византийского „восточного“ феодализма, отличающей его от западноевропейского, и следует искать одну из определяющих причин своеобразного консерватизма и устойчивости форм всей византийской цивилизации, находящейся... в поразительном контрасте с быстрой сменой императоров на византийском престоле. Так же, как и в восточных деспотиях, в Византии община надолго становится важнейшей опорой бюрократического централизованного государства, а вместе с тем и основанием самых грубых форм византийского деспотизма“¹. Аграрную политику императоров Македонской династии Е. Э. Липшиц объясняла именно тем, что византийская община являлась опорой византийского деспотизма, и государство сознательно, притом не без успеха, поддерживало поэтому общину².

Выступление Е. Э. Липшиц имело успех в нашей литературе. Тезис об азиатском характере византийской общины особенно последовательно развивает Б. Т. Горянов³, считая при этом, что вся земля в Византии, по крайней мере, в теории, являлась государственной собственностью (иначе говоря, в Византии, по крайней мере, теоретически не существовало частной земельной собственности). Византийскую общину сближает с восточной также и М. М. Фрейденберг⁴.

Необходимо со всей решительностью отвести попытки отождествления византийской общины с „азиатской“ (К. Маркс имел в виду индийскую общину).

Во-первых, восточная община развивается в условиях господства государственной собственности на землю и полного отсутствия частной земельной собственности. Такого положения в Византии никогда не было. Неверно, что теоретически земля в Византии принадлежала государству. И по юстинианову праву и по Василикам совершенно четко разграничивалась государственная собственность на землю и частная собст-

¹ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 143.

² Там же, стр. 142.

³ Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах. ВВ, т. III, стр. 45—46.

⁴ М. М. Фрейденберг. Аграрные отношения в Византии в XI—XII вв. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1952, стр. 3.

венность. И в теории права и в судебной практике строго различались понятия βασιλικόν χωρίον, δημόσιον χωρίον, ἐτέρῳ τινος προσώπου χωρίον (Nov. Leonis VI, 51), а также ἐν τῇ πάντων ἐξουσίᾳ εἰσι (заливы, большие реки). Переход в казну земель оформлялся постановкой пурпуровых флагов — σήμαντρα, σαλίδες. В податном уставе говорится, при каких условиях земля, принадлежащая частным лицам, могла превращаться в государственную, и обратно — о продаже государственной земли частным лицам (ст. 5 и 14). Государство не могло взять у собственника землю, даже если этого требовали важные обстоятельства. Ярким примером является покупка Юстинианом участков земли для постройки храма св. Софии: с какой трудностью удалось императору купить необходимые участки!¹

Во-вторых, экономической основой „восточного деспотизма“ и восточной общины является ирригационная система, регулируемая государством. Ничего подобного в Византии не было: единственной территорией, природные условия которой требовали регулируемой государством ирригации, являлся Египет, в середине VII в. завоеванный арабами. Поскольку экономическая основа „азиатского деспотизма“, выявленная К. Марксом, была совершенно иной, чем экономический фундамент византийского бюрократического государства VIII—X вв., говорить столь категорически о „византийском деспотизме“, как это делает Е. Э. Липшиц, относить Византию к восточноазиатским деспотиям — значит поступать вопреки фактам: сближение Византии с „азиатскими деспотиями“ неубедительно и лишено оснований. В самом деле: странно было бы видеть в самодержавном Льве VI, который только с большим трудом сумел оформить свой брак с Карбонопсиной и должен был все время вести осторожную борьбу с партией Николая Мистика, — восточного деспота. Сильный синклит, влияние патриарха, определенное значение юридической традиции юстинианова права — все это настолько отражалось на характере власти императора, что рассуждать о византийском деспотизме вряд ли можно с большей основательностью, чем относить к числу деспотических государств любую западную монархию.

Самое признание византийских форм государственности в VIII—X вв. „грубейшими“ (по сравнению с западноевропейскими тех же веков), требует доказательств. Положение Е. Э. Липшиц об устойчивости византийской цивилизации „в поразительном контрасте с быстрой сменой императоров“ кажется совершенно непонятым. Византийская община вовсе не была такой устойчивой, как индийская, общественный строй Византии развивался в том же направлении, как и в Западной Европе. Можно, наоборот, скорее поражаться неизменности внешних форм императорской власти при радикальных переменах общественного строя.

Византино-славянская община в основном мало отличалась от западноевропейской марки. Станным представляется вывод Е. Э. Липшиц о том, что византийская община была оплотом деспотизма. Почему же западноевропейская марка не стала оплотом деспотизма? — Конечно, в последующее время монархия могла пользоваться инертностью крестьян в борьбе против прогрессивных сил. Но, во всяком случае, не община ощущала потребность в разветвленном бюрократическом аппарате Византийской империи, в сложном праве Дигест и Василик. В этом нуждалось общество со сравнительно развитым товарным производством и товарным обращением, которое в Византии в период раннего средневековья находилось на неизмеримо более высоком уровне, чем на Западе.

¹ Scriptores originum Constantinopolitanarum, ed. Preger. Lipsiae, 1901, p. 77.

* * *

В этой связи считаем необходимым определить свое отношение к часто высказываемому мнению о том, что налоговое обложение в ранней Византии в сущности было централизованной рентой. С этой теорией выступил А. П. Каждан¹; по существу, она является выводом из теории, отождествляющей византийскую общину с азиатской. Между тем, всякие попытки признать феодальной рентой различные виды обложения населения в период до создания феодальной собственности, по нашему мнению, являются неправомерными. Рента взывается собственнику земли, а налог — государством-сувереном. В „азиатском“ государстве, где вся земля является его собственностью, налог совпадает с рентой, — в Византии такого положения как раз не существовало.

Смещение налога с ренты может только затемнить вопрос о сущности феодальной собственности в Византии.

Поземельные налоги, собираемые в принудительном порядке государством-сувереном данной территории, существовали в средневековом государстве любого типа, они ничего специфически феодального не имеют. Конечно, в Византии, как и в других средневековых государствах, в определенные периоды истории господствующий класс, используя государственный аппарат, проводил политику превращения свободных общинников в зависимых крестьян. В результате такой политики государственный налог превращался в феодальную ренту.

Нельзя оставить без внимания и те факты, которые характеризуют изменения, происшедшие в результате укрепления общинного права в византийской деревне. Хотя налоговый гнет остался тяжелым, но в византийской исторической литературе уже не встречаются потрясающие известия, подобные тем, которые имелись у Прокопия, о массовом бегстве населения за пределы Римской империи². Наоборот, мы встречаемся с фактами перехода в Византию мусульманских племен. Ибн-Хаукаль сообщает, что племя Бени-Хабаб, не вытерпев увеличения повинностей и разного рода притеснений, переселилось в Византию со всем своим имуществом, рабами, приняло христианство и поселилось на правах стратиотов³.

Те меры, которые предприняты были Македонской династией в защиту стратиотского землевладения, а также положение внутри общины — все это сделало возможными частые переходы арабов в Византию⁴. Сюда можно присоединить и сообщения о массовом переходе племени мардаитов в Византию в конце VII в.⁵.

Как сообщает Никифор в „Бревиарии“, 208 тыс. славян переселились в Византию и поселились в Малой Азии⁶. Об этом же пишет Феофан⁷, объясняя переход славян в пределы Византии событиями, происшедшими в Болгарии при хане Телизе. Нужно думать, что мероприятия иконоборцев, которые конфисковывали монастырскую собственность и вводили в законодательство нормы обычного права славян-

¹ А. П. Каждан. Крестьянские движения в Византии X в. ..., стр. 83, 97.

² Прокопий. Тайная история, гл. 11. ВДИ, 1939, т. V.

³ В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, стр. 98 и сл.

⁴ Там же, стр. 106.

⁵ Theophanes. Chronographia, ed. C. de Boor, p. 363—364.

⁶ Никифора патриарха Константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия, пер. Е. Э. Липшиц. ВВ, т. III, 1950, стр. 378.

⁷ Theophanes. Chronographia, p. 432.

ской общины, сделали возможным переход значительного числа трудящихся в пределы той самой Византии, откуда народ массами бежал в IV—VI вв.

Самый факт создания фемного войска, призыва в армию *παρωῶν* говорит о большей возможности вовлекать в военные действия по обороне империи крестьянские массы, по сравнению с той, которая имела в IV—VI вв. Мы можем считать бесспорным факт относительного облегчения участи крестьян в Византии в период славянской иммиграции, в период распространения в деревне славянского обычного права, сначала в Земледельческом законе, потом — в новелле 922 г. Именно это облегчение положения крестьянства создало возможность для более широкого развития в дальнейшем товарных отношений (IX—X вв.). Большая устойчивость деревни укрепила и внутреннее и международное положение Византии как раз в то время, когда ее культурное воздействие оказалось наиболее действенным как на Западе, так и в Восточной Европе, т. е. в IX—X вв.

Нам думается, что правильно понять византийское законодательство относительно общины и крестьянства конца X—начала XI в. можно, лишь приняв во внимание сущность того переходного периода в истории Византии, когда землевладение, основанное на эксплуатации рабского труда, уже получило решающий удар, но когда феодальные институты в деревне находились еще в процессе формирования, т. е. преобладающее место в аграрной жизни Византии занимала свободная крестьянская община.

Укрепление начал общинного строя в крестьянской среде в VII—VIII вв. проходило по-разному на Балканах и в Малой Азии.

В районах славянской иммиграции на Балканском полуострове цементирующим элементом в упорчении общинного строя были пережитки славянских родо-племенных порядков, которые сделались общими как для славянских, так и для греческих деревень. В Малой Азии влияние славянских институтов могло иметь место лишь в небольшой степени. Поскольку для внутреннего укрепления общины было необходимо какое-то „вяжущее“ начало, постольку здесь роль такой „внутренней спайки“ выпала на долю религиозной секты. В этой связи становится понятным, почему сектантское движение в VII—VIII вв. охватывало малоазийские районы и в то же время почти совершенно не было заметно в европейских районах Византии.

Как в балканских, так и в малоазийских деревнях устанавливались и укреплялись общинные порядки; эти порядки получали свое выражение в обычном праве. При этом в малоазийских общинах, где не институты родо-племенного строя, а религиозная спайка объединяла общину, сохранилось много сходного с порядками юстиниановской митрокомии. Иконоборческое правительство, стремясь получить опору внутри страны, легализовало в Земледельческом законе те общинные порядки, которые фактически были уже „освоены“ и закреплены обычным правом. Естественно, что в акте, легализующем эти порядки, можно усмотреть компромисс между началами сильной, сплоченной общинным землевладением славянской сельской общины и теми порядками, которые сложились в малоазийской общине, внешне сплоченной в виде религиозной секты. Этим объясняется и то, что по своей общей направленности Земледельческий закон отразил сущность отношений сплоченной славянской общины, но в то же время сохранил традиции митрокомии — элементы частной собственности на землю, терминологию юстинианова права. Отсюда — бесспорное сходство статей Земледельческого закона с положениями

юстинианова права, с терминологией, сохранившейся в египетских папирусах VI—VII вв.

Исаврийское законодательство легализовало не все нормы обычного права, действовавшего в деревне. Ни в Эклоге, ни в Земледельческом законе нет никаких указаний на порядок отчуждения земель общины. Даже закон VI в.¹ о порядке продажи земель в митрокомиях не был подтвержден. Это обстоятельство давало возможность динатам игнорировать местное обычное право. По мере укрепления своих позиций военнотрудовая фемная знать к концу VIII в. повела наступление против свободной общины — как в форме борьбы против славянских племен на Балканах, так и в форме начавшегося преследования религиозных сект. Вместе с тем получает распространение усиленная практика захвата общинных земель, происходит закабаление крестьянства. На месте разрушающейся общинной укрепляется феодальная собственность. Ее дальнейшее развитие приводит к обострению классовой борьбы. Так, в IX в. происходят восстания Фомы Славянина и павликианские войны. Разгром восстания Фомы Славянина и павликиан привел к такому усилению динатов, что они еще свободнее стали игнорировать действующее право, а правительство оказалось перед опасностью распада централизованного государства. Кодификация права в конце IX в. имела в виду не только укрепление имущественных прав господствующего класса, не только наступление на народные массы, — она имела целью также упрочение бюрократической монархии против усиливающейся на местах политической роли крупного землевладения. Эти же цели преследовала и знаменитая новелла Романа I от 922 г., которая была естественным продолжением предпринятой при Льве VI кодификации права. Легализация местного обычного деревенского права, регулировавшего мобилизацию земельных участков внутри общины, имела те же цели, что и кодификация права в целом.

Борьба за сохранение в деревне начал общинного права велась, однако, только до тех пор, пока дальнейшее укрепление феодальной собственности не привело к существенным изменениям в государственном аппарате Византии, когда Византия стала превращаться в феодальную монархию, когда с торжеством феодальных институтов интересы столичной бюрократической знати перестали расходиться с интересами знати провинциальной, военно-землевладельческой. Тогда стали появляться и новые редакции Земледельческого закона, приспособившие порядки деревни к потребностям сеньориального режима, тогда новеллы X в. перестали стеснять захват общинных земель и препятствовать окончательному торжеству феодальной собственности.

¹ Cod. Just., XI, 56.